

цивилизации: сб. материалов Междунар. науч. конф. (Алматы, 21 – 23 ноября 2007 г.). Алматы: Дайк-пресс, 2008.

5. Авляев Г.О., Санчиров В.П. К вопросу о происхождении торгоутов и хошоутов в этническом составе средневековых ойратов Джунгарии // Проблемы этногенеза калмыков. Элиста, 1984.

6. Кукеев Д.Г. О вхождении хошеутов в состав ойратов (XV век) // Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая: материалы Междунар. научн. конф. Ч. 1. Элиста, 2009.

7. Стратанович Г.Г. Военная организация триадного типа и ее судьбы // Проблемы алтаистики и монголоведения: материалы Всесоюзной конф. (Элиста, 17 – 19 мая 1972 г.). Элиста, 1974.

8. Школяр С.А. Китайская доогнестрельная артиллерия. М., 1980.

9. Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб., 2008.

10. Ду Жункунь, Бай Цуйцин. Си мэngu ши яньцзю (Исследования истории западных монголов). Урумчи, 1986.

11. Мин ши (История династии Мин). Сер.: Сыбу-бэй-яо. Шанхай, 1936.

12. Мин Инцзун шилу (Записки о свершившемся под девизом правления минского Чжэн-туна). Факсим. изд. Сянган. 1964 – 1966. цз. 181.

13. Санчиров В.П. Ойрато-китайские отношения после «Тумуской катастрофы» 1449 г. // Восток (Oriens). 2009. № 1.

14. Cambridge history of China. Vol. 7. The Ming Dynasty. 1368 – 1644. Pt 1. Cambridge, 1988.

ББК 63.3 (2) 46

РУССКО-КАЛМЫЦКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ И ШЕРТЬ 1673 г.

В.Т. Тенкеев

Статья посвящена важной странице в истории русско-калмыцких отношений в XVII веке. Именно заключение шерти 1673 года открыло эпоху правления калмыцкого хана Аюки, привело к тому, что Россия с этого момента приобрела верного союзника на своих южных границах. Автор пытается проследить хронологию событий накануне и во время проведения русско-калмыцкого съезда под Астраханью, а также дать краткий аналитический обзор самой шерти.

Ключевые слова: *Аюка, тайша, воевода, Я.Н. Одоевский, К.М. Черкасский, шерть, русско-калмыцкий съезд, Астрахань, стрельцы.*

The article is devoted to one of the important chapters in the history of Kalmyk-Russian relations in the XVIIth century. The conclusion of the shert in 1673 ushered in an era of government of the Kalmyk Khan Ayuka, and Russia has acquired a loyal ally on its southern borders. The author of this article tries to trace the chronology of events before and during the Russian-Kalmyk Congress near Astrakhan, and give an analytical summary of the shert.

Keywords: *Ayuka, Taisha, military leader, J.N.Odoevsky, K.M.Cherkassky, shert, Russian-Kalmyk congress, Astrakhan, shooters.*

В историографии не уделялось достаточно внимания обстоятельствам заключения шерти 1673 г., а впервые этот документ полностью был опубликован только в сборнике «Полное собрание законов Российской империи» [1, с. 923 – 926]. Поэтому мы попытаемся впервые дать аналитический обзор политической ситуации и состояния русско-калмыцких отношений накануне и во время заключения шерти 1673 г., которая открыла целую эпоху более чем полувекового правления калмыцкого Аюки-хана.

Восхождение на политический небосклон молодого тайши происходило в условиях сложной обстановки того времени. В 1669 г. умирает его отец Мончак, попадает в плен к хошутам дед Дайчин, в 1671 г. происходит вооруженная борьба между ним и хошутским Аблаем, а затем оппозиционно настро-

енными тайшами Аблаем и Боком, но Аюке в конечном итоге удалось ликвидировать все препятствия по преодолению политического кризиса в калмыцком обществе. Успешное подавление внутренней оппозиции и внешних врагов помогло ему завоевать симпатии калмыцкого народа и, особенно, старших тайшей, поначалу относившихся к нему с недоверием. Укрепление русско-калмыцких отношений стало своего рода продолжением политики Дайчина и Мончака, видевших в этом главную гарантию обеспечения безопасности калмыцких кочевий.

Международная ситуация в Восточной Европе продолжала оставаться сложной, и у Московского государства после подавления восстания С. Разина все еще существовала напряженность на границе с Крымским ханством. Поэтому для Москвы оставалась актуальной проблемой организация новых сов-

местных походов казаков и калмыков против татар. Аюка, несмотря на возникшие внутрикалмыцкие неурядицы, продолжал придерживаться договоренностей, заключенных его покойным отцом с правительством. Еще весной 1672 г. тайша отправил к Перекопу 260 калмыков для «языков». Захватив в плен трех татар, они на обратном пути под Азовом натолкнулись на лагерь азовских татар, отбив у них русский полон, взятый под Волуйкой и Рыбным. 20 мая калмыки «все в целости» пришли на Дон. Затем 2 июня они же совместно с казаками совершили еще один поход под Калачинские башни для захвата малибашских татар, ранее находившихся в подчинении у покойного тайши Бока и направлявшихся к крымскому хану. 29 октября на Дон от Аюки пришел отряд в 200 человек под командой Будаचери. Совместно с казаками атамана Корнилы Яковлева они совершили поход под Азов, побив множество азовцев и захватив в плен 48 человек [2].

Но для восстановления полноценных русско-калмыцких отношений требовались более серьезные шаги к политическому взаимодействию. Толчком к возобновлению этих самых отношений послужил приезд летом 1672 г. в Москву калмыцких послов во главе с Юмай-дарханом. В царской грамоте калмыцким тайшам от 6 июля поощрялась их дальнейшая служба государю, а Аюке была обещана всемерная поддержка со стороны царского правительства. По царскому указу астраханский воевода Яков Никитич Одоевский 14 сентября 1672 г. направил в калмыцкие улусы казанца Тимофея Одинцова, а уже 20 сентября в Астрахань приехали вернувшиеся из Москвы калмыцкие посланцы Юмай-дархан и Эшбердей Аджиев с 4 товарищами. Аюка, кочевавший в это время со своими улусами ближе к Царицыну в верховьях реки Сарпы и озера Цаган-Нур, через своих людей в письме подтвердил желание и дальше верно служить государю, как его дед Дайчин и отец Мончак, «а будет де он не годен, и он де, Аюка тайша, с калмыцкими своими людьми учнет кочевать о себе». Но, по мнению тайши, русско-калмыцким отношениям должным образом мешали развиваться продолжающиеся инциденты. Например, ехавший из Астрахани с отрядом боярин и воевода И.Б. Милославский между Черным Яром и Царицыным разгромил один из калмыцких улусов, захватив 15 человек и 50 голов скота. Аюка не без основания интересовался «по государеву указу это сделано» или нет, поскольку «никакова дурна с калмыцкими своими людьми не учинил». Тайша просил правительство выслать к нему его годовое жалование «против прежнего» или «он де, Аюка тайша, не ваш». Письмо Аюки на калмыцком языке, адресованное государю, и его перевод затем были отправлены воеводами в Москву. Однако тайша категорически был против, чтобы в работе съезда обсуждались вопросы только материальной стороны характера, поскольку рассматривал буду-

щее мероприятие как военно-политическое соглашение [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1672 г. Д. 1. Л. 1 - 4; 2, с. 11 - 14].

Поскольку Аюка с улусами откочевал от Волги вглубь степей по просьбе донских казаков «для промыслу на крымские улусы», то воеводы решили отозвать Т. Одинцова. Вместо него с калмыцкими послами 22 сентября из Астрахани отправили в улусы казанца Михаила Баракова и подьячего Микиту Протопопова в сопровождении толмача, 10 стрельцов и 10 служилых татар. Они и должны были призвать Аюку, Солом-Церена и других тайшей собраться на съезд под Астраханью с целью подтверждения прежних шертей. Задержка правительством жалования тайшам, видимо, не совсем устраивала Аюку, и он оставил до ноября посланцев у себя в улусе, а сам с улусами двинулся к Куме [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1672 г. Д. 1. Л. 8.; 2, с. 15 - 17].

В это время калмыки совершили крупный военный поход на Северный Кавказ для укрепления здесь своих пошатнувшихся позиций, связанных с недавними событиями, и возвращения ушедших сюда калмыцких татар и ногаев. Вдобавок ко всему в 1672 г. в Кабарду со своими войсками вторгся крымский хан Селим-Гирей I. Но начавшееся морозное поветрие и конский падеж заставили хана вернуться в Крым, оставив здесь только часть войска для сбора ясака с местного населения. Начавшаяся война в Большой Кабарде между князьями Мусосом Казыевым и Тенгизбием Алегуковым облегчала крымское вмешательство [3, с. 55].

Предварительно к князьям Большой Кабарды, мирзе Большого Ногая Каракасаю Яштерекову и казыевским мирзам были отправлены послы с приказом «накрепко», чтобы мирзы со своими улусами «от крымского хана и от худых дел отстали», учинили шерть и дали «добрых» аманатов. В противном случае Аюка обещал «разорить их до конца». Мирзы обязаны были кочевать теперь совместно с калмыками, а с крымским ханом «не ссылатися», в чем и дали шерть. Казыевские мирзы Арсланбек и другие отдали калмыкам в аманаты своих детей (5 человек), кабардинские князья по договору обязались «впредь ему Аюкаю тайше с них имати на год по 15 девок». Отсюда Аюка планировал по просьбе донских казаков совершить военный поход под Крым и Азов, а затем вернуться к Астрахани на предстоящий русско-калмыцкий съезд «и прежнюю шерть отца своего Мончака тайши подкрепит и в совете и в любви... быть душею своею рад». Бежавший в крымские владения Дугар вернулся обратно к калмыкам, но, со слов Аюки, «для проведыванья вестей и для обману и воровства». При попытке к бегству мятежный тайша был арестован и вместе с хошутским Аблаем и крымским послом находился под арестом. Всех троих Аюка на время кавказского похода оставил в Терской крепости под присмотром

своих кабардинских родственников [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1672 г. Д. 1. Л. 12 – 15].

В целом миссия М. Баракова закончилась успешно, и 7 декабря русские посланцы вернулись в Астрахань с калмыцким послом Унедей-бакши, который привез письмо Аюки, где он еще раз подтверждал прежние заключенные его отцом и дедом шерти. Для подтверждения своих намерений и далее служить государю верно по просьбе донского атамана Корнея Яковлева в ноябре 1672 г. Аюка отправил 3 тыс. воинов под командой Будай-Чере Эрке в район Азова, где калмыки отогнали большое количество скота и лошадей. Кроме этого, тайша «учинил под его государскую самодержавную высокою рукою» кабардинских владельцев, а также Малого Ногая казыевских и едисанских мирз, ранее подчинявшихся крымскому хану [2, с. 21 – 24]. Все это свидетельствовало о серьезном политическом вкладе Аюки в интересах России накануне важных переговоров.

Отдельной темой тайша поставил выплату ему правительством жалованья сразу за три года (1670 – 1672), т.е. за время царившей смуты на юге России и междоусобной войны среди калмыков. Однако данная постановка вопроса вызвала с русской стороны возражение. М. Бараков пояснил тайше, что это будет возможным только после съезда, где стороны детально обсудят этот и другие вопросы и договорятся. В качестве условий русская сторона выдвинула требования подтвердить тайшами прежней шерти, выдать Дугара, Аблая и крымского посла. Но Аюка упорствовал и не пожелал даже встречаться на съезде с воеводой Я.Н. Одоевским без удовлетворения его требования о предварительной выплате трехгодичного жалованья. Для этого тайша перешел и к политическому шантажу, заявив М. Баракову о возможном соединении калмыков с крымским ханом в случае невыплаты ему жалованья. В качестве подтверждения М. Баракову калмыки представили крымского посла Тютей-агу, который находился в улусах с миссией привлечь калмыков на сторону Турции и Крыма в намечавшейся войне против России. На требование русского посланника выдать крымского посла в Астрахань, Аюка отказал, мотивировав это тем, что «послом де и посланником ни в которых государствах худобы и задержанья не бывает». Тютей-ага находился под присмотром одного из ближних людей Аюки Алдар-зайсанга [2, с. 24 – 25].

Уже 8 января 1673 г. посланник Аюки – Унедей-бакши вновь прибыл в Астрахань с прежним предложением выплатить русской стороной тайшам жалованье за три предыдущих года. Но эта миссия также закончилась безрезультатно, поскольку астраханские воеводы не получили из Москвы никаких инструкций и дополнительных средств по решению данного вопроса. Астраханцы еще раз настоятельно предложили Аюке приехать для переговоров на

съезд, где мог окончательно решиться вопрос о выплате ему жалованья [2, с. 26 – 27].

Попытался решительно сдвинуть в положительную сторону переговорный процесс и кочевавший совместно с калмыками едисанский мирза Сююнча Абдулов. Получив со стороны воевод заверение в гарантии неприкосновенности, мирза 22 января прибыл в Астрахань, где вновь озвучил военные и политические заслуги Аюки перед Россией, на основании которых просил материально удовлетворить его запрос о выплате жалованья за три года, иначе «Аюкаю тайше будет в том великое оскорбление». Ответ воевод не отличался от того, который был озвучен ранее прибывшему Унедею-бакши. Отсутствие царского указа из Москвы не позволяло астраханцам форсировать события без предварительного заключения Аюкой шерти. На основании этого Сююнча Абдулов предложил русской стороне выплатить жалованье хотя бы за 1673 год, и только после тайша готов был встретиться с воеводами на съезде. Но и подобная формулировка вызвала недоверие у астраханцев, заподозривших, что после выплаты жалованья Аюка может и не заключить шерть. Даже готовность С. Абдулова письменно дать гарантию не поколебали воевод. Их подозрение основывалось на том, что в калмыцких улусах находились два крымских посла, которые так и не были выданы русской стороне и отпущены калмыками обратно в Азов. Но выдача Аюкой крымцев была также невозможна, поскольку в Азове в это время также находились два калмыцких посланника. На этом переговоры закончились, и С. Абдулов был отпущен обратно в улусы [4, с. 27 – 30]. Стоит отметить, что едисанский мирза уже отличался достаточным опытом в подобных переговорных мероприятиях, поскольку одна из главных в русско-калмыцких отношениях шерть 1657 г. была в свое время заключена, в том числе и при самом активном непосредственном участии С. Абдулова [4, с. 66 – 67].

Предварительные переговоры проходили в атмосфере взаимного недоверия сторон, и здесь большую роль сыграла посредническая деятельность терского воеводы Муцала Каспулатовича Черкасского. Кабардинский князь, находящийся на русской службе, уже имел достаточный послужной список в налаживании русско-калмыцких отношений, когда еще в 1661 г. под руководством своего дяди Григория Сунчалеевича Черкасского участвовал в заключении шерти между московским правительством и тайшой Мончаком, отцом Аюки, и привлечении калмыцких войск на сторону России в войне против Крыма и Польши. Именно брак родной сестры К.М. Черкасского, Абуханы и Аюки стал тогда апофеозом русско-калмыцкого сотрудничества. С тех пор ситуация сильно поменялась, а Г.С. Черкасского и Мончака уже не было в живых. На политической арене появилась новое поколение политиков, и уже

им предстояло разрешать новые спорные ситуации и проблемы на юге России.

Со своей стороны К.М. Черкасский также предпринял активные политические шаги, когда 20 января князь встретился с Аюкой на реке Кизляр, всячески агитировав тайшу встретиться с царскими представителями возле Астрахани для заключения соглашения. Именно Черкасскому пришла идея предложить Аюке взять сначала жалованье за 1673 г. и уже на предстоящем съезде договариваться о выплате жалованья за предыдущие годы. Подобное предложение вызвало одобрение со стороны Аюки, о чем К.М. Черкасский письменно дал знать астраханским воеводам. И, действительно, вскоре после получения письма от князя в калмыцкие улусы были отправлены с жалованьем (580 рублей, 10 ведер вина, 5 пудов табака) за 1673 г. казанец М. Бараков, подьячий и толмач в сопровождении 20 стрельцов и служилых татар. Посланцы также привезли Аюке от воевод письмо, где вновь предлагалось встретиться возле Астрахани для подтверждения прежней шерти его отца Мончака [2, с. 30 – 31]. Все эти меры позволили сдвинуть переговорный процесс в положительную сторону и преодолеть существовавшее на тот момент обоюдное недоверие сторон.

Достигнув соглашения, М. Бараков, продолжая оставаться в калмыцких улусах, 19 февраля письменно информировал Астрахань о готовности Аюки встретиться с воеводами на съезде. Причем незадолго до этого тайша вызвал к себе с Терека К.М. Черкасского как гаранта предстоящих русско-калмыцких переговоров, поскольку калмыки ему полностью доверяли [2, с. 32 – 33]. 16 февраля терский воевода уже находился в калмыцких улусах. 20 февраля Аюка с братьями и племянниками во главе своих улусов, «учиня по своей калмыцкой вере моленье», от реки Кумы двинулись по направлению к Астрахани. А уже 24 февраля М. Бараков письменно известил воевод о нахождении калмыков в Баш Мочагах в 70 верстах от крепости. Именно отсюда Аюка отправил в Астрахань своих посланцев Эрке-Бадму и Нюдея с предложением воеводам встретиться в 30 верстах от города в урочище Хвостовой соли. Однако подобный вариант не устроил астраханские власти, которые настаивали назначить съезд в непосредственной близости от Астрахани. Когда калмыцкие посланцы напомнили, что прошлый русско-калмыцкий съезд 1661 г. проходил на урочище Берекете в 60 верстах от города, то это никоим образом не поколебало астраханских воевод. Они продолжали уверять калмыцких представителей в безопасности организации встречи в окрестностях Астрахани. Тогда калмыки предложили другой вариант места съезда – урочище Бешколь (Пять озер) в 15 верстах от крепости. Неизвестно, чем закончились бы эти препирательства о месте встречи, если бы в спор снова не

вмешался К.М. Черкасский. 25 февраля он лично вместе с представителем Аюки Даян-Кашка прибыл из улусов в Астрахань, где в разговоре с воеводой Я.Н. Одоевским получил заверение в гарантии безопасности калмыцкого тайши. По просьбе астраханских представителей он все-таки уговорил Аюку согласиться встретиться непосредственно у Астрахани [2, с. 32 – 39].

В это время астраханские власти начали усиленно готовить место для предстоящего мероприятия. Воевода Я.Н. Одоевский приказал напротив города через Волгу на реке Соляной, что в версте от Астрахани, построить деревянный городок, укрепленный рогатками. Командирам московских стрельцов Владимиру Воробину, Никите Борисову, Борису Карсакову и Семену Астафьеву было приказано поставить в центре городка царский шатер, привезенный из Свияжска, и строй стрельцов. 26 февраля руководство Астрахани в лице воевод Я.Н. Одоевского, И.М. Каркадинова, В.Л. Пушечникова и дьяка П. Самойлова выехало в указанный городок для будущей встречи с калмыцким представительством. Причем в самой Астрахани властями были предприняты все меры предосторожности в случае дальнейшего отрицательного развития ситуации: укреплены городские ворота, а стрелецкий полк под командой Г. Жукова охранял группу астраханских воевод, выехавших на русско-калмыцкий съезд [2, с. 39 – 40].

Уже перед самой встречей произошла еще одна небольшая организационная заминка. Выехавший из Астрахани навстречу калмыцкому представительству казанец Ф. Черников-Онучин должен был препроводить калмыков к месту съезда в городке, но Аюка предложил воеводам другое место – урочище Кантебе в пяти верстах от Астрахани. Поскольку большинство калмыцких улусов осталось на реке Куме, то тайша взял с собой не слишком большое количество людей. В укрепленном городке с воеводами находилось до 10 тыс. вооруженных стрельцов, и все это давало повод для серьезных опасений со стороны калмыков. Аюка напомнил астраханцам, что в 1661 г. у Г.С. Черкасского на съезде с Мончаком в урочище Берекете не было столь многочисленной охраны. Воеводам пришлось сократить численность стрельцов в городке и вновь заверить калмыцких представителей в гарантии безопасности Аюки [2, с. 40 – 41].

Только после разрешения всех предварительных формальностей 26 февраля 1673 г. к месту съезда с астраханскими воеводами прибыло многочисленное калмыцкое представительство, куда входили Аюка и его двоюродный брат Мелеш, а также другие калмыцкие владельцы, татарские и ногайские мирзы. С калмыками приехал и терский воевода К.М. Черкасский. Начало встречи ознаменовалось традиционной темой разговора для того времени, а именно вопросами о здоровье царя Алексея Михай-

ловича и его семейства [2, с. 40 – 42]. После этого стороны перешли уже к обсуждению конкретных вопросов и проблем в русско-калмыцких отношениях, накопившихся за последние несколько лет.

В первую очередь Аюка еще раз заверил царских представителей в незыблемости прежних договоренностей, заключенных его дедом Дайчином и отцом Мончаком. В подтверждение своих слов Аюка в присутствии боярина и воевод, взяв в руки «Бурхан, четки и Бичик», от лица всех калмыцких владельцев устно шертовал в вечной верности государю и его детям. Тайша также обязался перед русской стороной выставить войска против Крыма. Все присутствующие стали свидетелями, как калмыцкие владельцы поклялись на своих святынях, прикладывая к голове Бурхана, четки и Бичик. Поставить собственноручные подписи к шерти тайши пообещали только на следующий день. Первый раунд переговоров закончился угощением калмыцких представителей вином астраханскими властями [2, с. 41 – 46].

На следующий день, 27 февраля, стороны вновь съехались на прежнем месте. На этот раз с Аюкой прибыл его двоюродный брат Назар-Мамут, родной брат тайши Мелеша. Именно им предстояло выступить от лица всего калмыцкого народа в заключении шерти на верность Московскому государству. Переговоры затронули многие вопросы русско-калмыцких отношений, и практически все они решились положительным образом. Единственным камнем преткновения стал вопрос о выплате жалованья тайшам за прошлые 1671 и 1672 годы. Царские представители предложили выплатить жалованье за это время только после проведения решительных действий калмыками против государевых внешних неприятелей [2, с. 46 – 55]. Другими словами, тайши должны были показать свою верность в войнах России. Но подобная формулировка не устраивала калмыцкую сторону, считавшую себя в какой-то мере обманутой, поскольку за указанные прошлые годы калмыки уже продемонстрировали свою надежность, в целом не поддержав антиправительственное восстание С. Разина на юге России.

Калмыцкие тайши также выступили с ходатайством перед воеводами об освобождении с аманатного двора в Астрахани едисанского мирзы Тогана, сына Сююнчи Абдулова, поскольку его отец «служит великому государю». Но астраханские власти не могли решить этот вопрос самостоятельно без соответствующего из Москвы на то царского указа. Последующее за этим давление со стороны тайшей на воевод попытался смягчить К.М. Черкасский, объяснив калмыкам всю сложность разрешения этой проблемы и «обнадеживал их государской милостию». Тайши согласились с доводами кабардинского князя, пообещав заслужить «государскую милость» своими головами [2, с. 56].

Затем последовала непосредственно сама про-

цедура подписания тайшами шерти. Аюка, вынув саблю из ножен и приложив ее к своей голове и горлу, сказал: «будет де шерть прежнюю и нынешнюю чем нарушим, и та де сабля буди на мне и на моих братьях, и на племянниках, и на всех наших улусных людях». На этом все присутствующие тайши и их родственные и владетельные люди приложили свои руки к шертовальной записи [2, с. 57]. Попробуем рассмотреть по пунктам шерть от 27 февраля 1673 года.

Шерть начиналась словами: «Яз, Аюка тайша Мончаков, даю шерть великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу...». Здесь сразу бросается в глаза, что Аюка в присутствии своих двоюродных братьев Назар-Мамута и Мелеша, единолично выступает от лица всего калмыцкого народа, а также кочевавших с ним совместно ногайских, едисанских, джемболукских, малибашских и келечинских мирз [2, с. 57 – 58]. Подобная начальная формулировка шерти ясно показывала единоличное правление Аюки как продолжение политики его деда Дайчина и отца Мончака. Во многом шерть от 27 февраля 1673 г. повторяла принципы предыдущей шерти от 9 декабря 1661 г., когда Мончак также единолично шертовал за весь свой подвластный народ на верность московскому царю.

Главные принципы шерти 1673 г., как и предыдущие, состояли в следующем: «его царскому величеству тайшам, самим и братьям, и племянникам, и внучатам, и улусным калмыцким людям, и мурзам, и их братьям, и племянникам, и улусным людям служить и великого государя на недругов, где его, великого государя повеленье будет, войною ходить, а под его, великого государя, города войною не приходить и дурна никакого и задоров не чинить, и жить с государскими людьми в мире и совете». Тайши также обязывались запретить своим подвластным совершать нападения на царских подданных из числа астраханских татар и ногаев [2, с. 58 – 59]. Однако в документе ничего не говорится об обязательстве воевод к недопущению набегов и воровства со стороны астраханцев на калмыцкие улусы.

Отдельным пунктом стояло внешнеполитическое обязательство тайшей не иметь всяческих отношений с Турцией, Крымом, Персией, кумыками, бесленейцами, находящимися во враждебных отношениях с Россией. Под этим подразумевалось, что в указанные государства калмыки не должны были продавать лошадей, оружие, не иметь никаких дипломатических контактов и не оказывать военную помощь войсками [2, с. 59 – 60]. Но на самом деле этот пункт, который был записан и в предыдущих шертях, не выполнялся калмыками в полной мере. С этими государствами и народами калмыки непосредственно граничили, и во многом поддержание с ними добрососедских отношений, включая и экономические связи, гарантировало калмыцким

тайшам, мирзам и их подвластным людям относительную безопасность кочевий. Во всяком случае, посольские контакты происходили регулярно, и со стороны калмыков они не обязательно носили антироссийский характер.

Другим вопросом стояло обязательство калмыцких тайшей не допускать набегов на русские населенные пункты, подвластных им татар и ногаев. С точки зрения царского законодательства они считались изменниками, но в случае их раскаяния и желая вернуться под государеву руку Аюка обязан был их отпустить безо всякого задержанья. Калмыки не имели право и в дальнейшем агитировать и призывать к себе в улусы астраханских татар и ногаев [2, с. 60]. Этот пункт соглашения был характерен и для предыдущих шертей, но на практике не выполнялся. Связи между калмыцкими и астраханскими татарами и ногаями были очень тесными и довольно интенсивными. А астраханским властям так и не удалось взять под полный контроль этот миграционный процесс.

Аюка обязывался также выдавать на откуп царским властям православных пленников (грузин, молдаван, белорусов и др.), которые были захвачены или будут захвачены калмыками в ходе военных походов. Православные полоняники и иноверцы, бежавшие из городов Средней Азии в русские города, должны беспрепятственно быть пропущены через калмыцкие территории. Русские власти, со своей стороны, обязывались выдавать обратно тайшам беглых некрещеных калмыков и татар [2, с. 60 – 61]. Стоит отметить, что вопрос о беглых калмыках впервые был поднят именно в шерти 1673 года. Подобная проблема в русско-калмыцких отношениях возникла примерно с 1669 г., когда оппозиционно настроенные по отношению к Аюке улусы двух тайшей – Дугара и Бока откочевали на Дон. Если же Бок вскоре скончался, а Дугар с семьей был схвачен Аюкой, то часть их улусных людей так и осела среди донских казаков. Во многом этот вопрос приобрел и религиозный оттенок, поскольку большинство беглых калмыков, не желавших возвращаться к Аюке, принимали православную веру, а местные царские власти это всячески, в том числе и материально, поощряли. Донские атаманы также были заинтересованы в привлечении в свои казачьи ряды калмыков, уже показавших свою военную эффективность в борьбе против крымской агрессии.

В шерти 1673 г. стороны также обязывались соблюдать взаимную неприкосновенность послов и посланников, выполняющих функцию информационного обмена. Это распространялось и на торговых калмыцких людей, пригонявших скот и лошадей на российские рынки в Астрахани, Тамбове, Касимове, Владимире и Москве [2, с. 61]. Экономический аспект играл огромную роль в русско-калмыцких соглашениях, поскольку тайши

были жизненно заинтересованы в реализации своей продукции на российском рынке, а московское правительство это прекрасно осознавало и всячески использовало данное обстоятельство в своих политических интересах. Этот пункт соглашения имел место практически во всех предыдущих и последующих шертях.

В условиях надвигавшейся русско-турецкой войны калмыцкие тайши принимали обязательство по царскому указу участвовать в военных походах против Крымского ханства и иных «государевых непослушников». Но Аюка, перед тем как выступить на Крым, планировал весной отправить войска против кумыцких владельцев за их «многие неправды», о чем были поставлены в известность и царские представители. Калмыцкие улусы с этой целью уже находились на реке Куме [2, с. 61 – 62].

Шерть 1673 г. подкреплялась следующими словами клятвы Аюки: «...а у него, великого государя, в послушанье быть не учнем и шерть свою и утверждение прежнее и нынешнее чем-нибудь нарушим, и на нас, тайшах, и на наших детях, и на мурзах, и на их детях, и на всех улусных людей буди божий гнев и огненный меч, и тою саблею, которую я, Аюка тайша, выняв из ножен, на голову и к горлу прикладывал, от неприятеля своего буду я зарезан по горлу своему, и будем мы прокляты по своей калмыцкой вере в сем веке и в будущем». Пленных Дугара и Аблая Аюка обязывался передать царским властям [2, с. 63].

Стоит отметить, что помимо старших тайшей Аюки, Назар-Мамута и Мелеша, выступивших от лица калмыцкого народа, «шерть учинили» их родственники и близкие люди. В списке упоминается ровно 150 человек из числа тайшей, зайсангов, дарханов и других более мелких категорий лиц, приехавших со старшими тайшами [2, с. 64 – 65]. Данный перечень людей интересен для исследователя тем, что благодаря этому списку известна теперь большая часть правящей верхушки калмыцкого общества указанного периода. До этого времени подобные полные данные из русских документов XVII века были неизвестны.

К шертовальной записи на русском языке калмыцкие представители приписали несколько предложений на старокалмыцкой письменности, переведенных затем самими калмыками на татарский язык для царских чиновников. Бросается в глаза и то обстоятельство, что Аюка лично не подписывался под шертью, а за него это делали его представители – Назар-Мамут и Цецен-Запсан-бакши. За отсутствовавших на съезде дербетского тайши Солом-Церепа, а также тайшей Уржана, Данжи, Батура и Лобачи руку к шертовальной записи приложил Басантай. Официальная процедура подписания шерти завершилась торжественным обедом, организованным астраханскими воеводами. Затем по приказу боя-

рина Я.Н. Одоевского московские стрельцы под командой Б. Карсакова и Л. Секерина продемонстрировали калмыцким гостям показательные стрельбы из ружья и метание ручных гранат, что вызвало восторг и одобрение со стороны калмыков.

На следующий день, 28 февраля, из Астрахани к тайшам отправили дьяка П. Самойлова с государевым жалованьем, состоящим из продуктов (вино, мед, пиво, хлеб, калачи), табака, шуб и шапок, а ближним их владетельным людям – сукно, меха выдры и кожа. Также это жалованье предназначалось и тем владельцам, кто не смог приехать на съезд и оставался в улусах. 1 марта воеводы отправили Аюке уже денежное жалованье в 580 рублей за предыдущий 1672 год. При передаче тайшам денег и вещей присутствовал и К.М. Черкасский. Уже 2 марта калмыцкая делегация выехала на реку Кума, где оставались их улусы [2, с. 66 – 67].

Отличительной особенностью шерстной записи от 27 февраля 1673 г. от предыдущих заключалась в том, что она была составлена в соответствии со всеми требованиями правовых документов XVII века. Проект документа первоначально был подготовлен в Калмыцком приказе и согласован с Посольским приказом, а затем представлен к слушанию на Боярской Думе. После повторного слушания на Боярской Думе уже с участием царя Алексея Михайловича, надо предполагать, проект получил одобрение и рекомендацию к подписанию. Таким образом, шерть 1673 г. имела юридическую силу закона, поскольку была составлена с соблюдением всех требований и элементов формуляра [5, с. 97 – 98]. Следующая шерть была дана Аюкой в 1677 г. и связана с обстоятельством смер-

ти в 1676 г. царя Алексея Михайловича и восшествием на престол его сына Федора Алексеевича.

Таким образом, можно считать, что шерть 1673 г. открыла новую страницу в истории русско-калмыцких отношений XVII века. Она во многом по характеру и содержанию отличалась от предыдущих подобных документов, поскольку обе стороны после непродолжительного времени политического кризиса на юге России и в калмыцком обществе смогли достичь соглашения, используя уже накопленный опыт предыдущих поколений. Поддержанные традиции взаимоподдержки в условиях сложной международной ситуации в Восточной Европе предопределило укрепление позиции России в этом регионе, а калмыцкое общество, со своей стороны, обрело на долгое время внутреннюю стабильность.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 111, 119.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. СПб., 1830.
2. Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством 1672 – 1675 гг. / сост. Н. Рогожин, М. Батмаев. Элиста, 2003.
3. Моков Б.М. Кабарда второй половины XVI – XVII веков. Нальчик, 2001.
4. Преображенская П.С. Из истории русско-калмыцких отношений в 50 – 60-х годах XVIII в. // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып. 1. Элиста, 1960.
5. Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII – XX вв.). М., 2002.

ББК 63.3 (2) 45

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТАЙНОГО СОВЕТНИКА И ГУБЕРНАТОРА В.Н. ТАТИЩЕВА ПЛАНУ ХАНШИ ДЖАН РАЗЫГРАТЬ ПЕРСИДСКУЮ КАРТУ В РУССКО-КАЛМЫЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ В СЕРЕДИНЕ XVIII в.

И.В. Торопицын

Статья посвящена истории политического кризиса, начавшегося в Калмыцком ханстве после смерти Дондук-Омбо и связанного с желанием вдовы ханши Джан захватить власть, несмотря на противодействие царских властей. Стремясь к трону, Джан безуспешно пыталась опереться на поддержку персидского шаха.

Ключевые слова: Астраханская губерния, Калмыцкое ханство, Кабарда, Джан, Назир-шах, В.Н. Татищев, Бодонг, Арала, томуты, калмыcko-персидские переговоры.

The article is devoted to history of the political crisis which has begun in Kalmyk khanate after death of khan Donduk Ombo and connected with desire of the widow Dzhan to seize power. Despite of counteraction of authorities aspiring to a throne, Dzhan unsuccessfully tried to find support at the Persian shah.

Keywords: The Astrakhan province, Kalmyk khanate, Kabarda, Dzhan, V.N. Tatischev, Bodong, Arala, tomuty, the Kalmyk-Persian negotiations.